
студия
ДИАФИЛЬМ

08-3-122

РГДБ
2015
Юрий Коваль
БЕЛОЗУБКА
Художник М. Салтыков

В первый раз она появилась вечером. Подбежала чуть ли не к самому костру и схватила хариусный хвостик.

Я сразу понял, что это не простая мышь. Куда меньше полёвки. Темней. И главное—нос! Лопаточкой, как у крота. Таким носом только землю рыть. 3

А землероек, слыхал я, знатоки различают по зубам: бурозубки и белозубки. Кем была эта мышка—я не знал, но почему-то хотелось, чтоб она была белозубкой. Так я и назвал её—Белозубкой—наугад.

Белозубка стала появляться у костра каждый день, собирала рыбьи хвосты. Видно, она делала на зиму запасы, а под гнилым кедровым бревном были у неё тайные погреба.

К осени начались в тайге дожди, и я стал ужинать в избушке.

Как-то я сидел у стола, пил чай с сухарями. Вдруг на стол вскочила Белозубка, схватила самый большой сухарь,

сбросила его на пол, а сама легко сбежала вниз по бревенчатой стене, к которой был приколочен стол. Подхватила сухарь, потащила его к порогу. 8

Скоро она вернулась и забралась на стол. Я шевелился, кряхтел и кашлял, стараясь напугать её, но она не обращала внимания, бегала вокруг пустого стакана, разыскивая сухари. Я просто не знал, что делать.

Взял да и накрыл её стаканом. «Посидишь немного,—думал я.—Надо тебя проучить, а то совсем потеряла совесть».

Оставив Белозубку в заточении, я вышел из избушки поглядеть, не перестал ли дождь. Дождь не переставал. Я старался рассмотреть вершину горы Мартай—нет ли там снега, но гора была закрыта облаками.

Я продрог и, вернувшись в избушку, хотел налить себе чайку погорячей, как вдруг увидел на столе вторую Белозубку.

Эта вторая была крупнее первой и вела себя грубо, бесцеремонно. Прошлась по моим рисункам, пнула плечом спичечную коробку. По манерам это была уже не Белозубка, а какой-то суровый дядя Белозуб.

Дядя Белозуб обошёл стакан, где сидела Белозубка, сунул нос под гранёный край, стараясь его приподнять. Ничего не получилось. Тогда дядя ударил в стекло носом. Стакан чуть отодвинулся.

Дядя Белозуб отступил назад, чтобы разогнаться и протаранить стакан, но тут я взял второй стакан да и накрыл дядю. Это его потрясло. Он никак не предполагал, что с ним может случиться то же, что с Белозубкой.

Надо сказать, я и сам растерялся. Передо мной кверху дном стояли два стакана, в которых сидели Белозубка и Белозуб. Сам я сидел на лавке, держа в руках третий стакан, треснутый.

Тем временем из щели у порога высунулась новая лопаточка. Прежде чем вылезти наружу, третья землеройка внимательно всё обнюхала, изучила пол у порога, напала на след и отправилась к столу.

Пока она взбиралась на стол, я вдруг понял, что там, под Гнилым Кедровым Бревном, сидит мышиный король Землерой. Это он посылает своих подданных спасать Белозубку. Дядя Белозуб, грубый солдат, должен действовать силой, хвостатый Сыщик—хитростью.

Сыщик обошёл вокруг перевёрнутых стаканов, обнюхал третий, треснутый, стал разглядывать мою руку. Тут я понял, что он меня почти не видит. Глазки его привыкли к подземной темноте. Я пошевелил пальцем.

Сыщик напугался, быстро прокатился по столу, спустился на пол и шмыгнул в щель.

«Ваше Величество!—докладывал, наверно, он королю Землерою.—Там за столом сидит какой-то тип и накрывает наших ребят стаканами!»—«И много у него стаканов?»—«Ещё один, треснутый!»

Я надел высокие сапоги, взял топор и пошёл поискать сушину на дрова.

«Ваше Величество, он ушёл,—докладывали в это время лазутчики королю Землерою.—Сушину рубит и долго ещё провозится. Надо действовать, а то будет поздно».—«Валяйте!»—согласился король.

Когда я вернулся в избушку, оба стакана были перевёрнуты, а третий, треснутый, валялся на полу и был уже не треснутый, а вдребезги разбитый.

Я затопил печку, заварил чай. Свечу зажигать не стал—огонь из печки освещал избушку. Огненные блики плясали на бревенчатых стенах, на полу.

«Залез с ногами на нары и чай пьёт»,—докладывали лазутчики Землерою. Дядя Белозуб возмущенно раздувал щёки: «Меня, старого служаку, посадить в стакан! Я ему этого никогда не прощу! Сегодня же ночью укушу за пятку!»

«Ладно тебе,—говорила Белозубка,—что было—то прошло. Давайте лучше выпьем квасу и будем танцевать. Ведь сегодня наша последняя ночь». 27

«Хорошая идея!—хлопнул в ладоши король.—Эй, квасовары, квасу!» Квасовары прикатили бочонок, и главный Квасовар вышиб из бочки пробку.

Пенный квас брызнул во все стороны, и тут же объявились музыканты. Они дудели в трубы, сделанные из рыбьих косточек, тренькали на еловых шишках.

Самым смешным был Балалаечник. Он хлестал по струнам собственным хвостом.

Дядя Белозуб выпил пять кружек кваса и пустился в пляс, да хвост ему мешал. Старый солдат спотыкался и падал.

Белозубка схватила гитару и запела:

Я ничего от вас не скрою,
Я всё вам честно расскажу:
Всю жизнь я носом землю рою
И в этом счастье нахожу!

«Пошли в избушку!—крикнул кто-то.—Там теплей и места больше». И вот на полу у горящей печки появились Землерой и Белозубка. Дядя Белозуб заполз в валенок и заснул.

Над печкой у меня вялились на верёвочке хариусы. Один хариусок свалился на пол, и землеройки принялись водить вокруг него хоровод.

Всю ночь веселились у меня в избушке король Землерой, Белозубка и все остальные. Только к утру они немного успокоились, сели полукругом у печки и смотрели на огонь. «Вот и кончилась наша последняя ночь,—сказала Белозубка.—Прощайте до весны!»

Землерой, Белозубка и музыканты исчезли в щели под порогом. Дядю Белозуба вытащили из валенка и унесли под Гнилое Бревно.

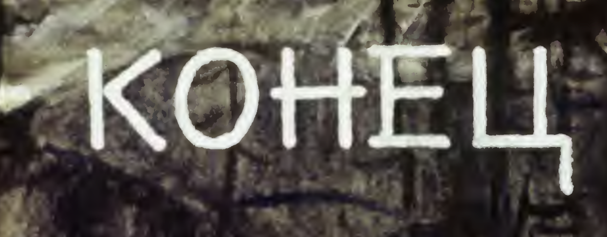
Рано утром я вышел из избушки и увидел, что дождь давно перестал, а всюду—на деревьях, на крыше, на земле—лежит первый снег.

Я собрал свои вещи, уложил их в рюкзак и по заснеженной тропе стал подниматься на вершину Мартая. Мне пора уже было возвращаться домой, в город.

К обеду добрался я до вершины, оглянулся и долго искал избушку, которая спряталась в заснеженной тайге.

Художественный редактор В. ДУГИН
Редактор Г. ВИТУХНОВСКАЯ

101000, Москва, Центр, Старосадский пер., 7
Д-073-82 Цветной 0-30